

DOI: 10.18721/JHSS.9307
УДК 1:165; 1:167; 30:303.01

СИМУЛЯЦИЯ «СИМВОЛИЧЕСКОГО» В КОНЦЕПЦИИ МАССМЕДИА Ж. БОДРИЙЯРА

Л.В. Мурейко

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье выявляется основание для различения феноменов, обозначаемых Ж. Бодрийяром понятиями «симуляция» и «симулякр», «символическое» и «симулякр». Подчеркивается, что критическая позиция ученого по отношению к засилью симулякров в современном обществе требует учитывать различие им понятий «символическое как таковое» и «символическое насилие», чему в исследовательской литературе обычно не уделяется должного внимания. Акцент сделан на возможности структурного представления основного свойства симулякра четвертого (фрактального) порядка, позволяющего ему отрываться от реальности («полная взаимозаменяемость противоположностей»). Автор статьи приходит к выводу, что основанием симуляции символического со стороны кода массмедиа является имитация симулякром двойственности символа с доведением до предела нейтрально-промежуточного поля между двумя его сторонами. При этом используется бинарная семиотическая структура кода массмедиа (и симулякра). Свою унифицирующую, формальную знаковую систему код массмедиа вуалирует такими свойствами символа, как визуальность, эмоциональность и др.

Ключевые слова: символическое; симуляция; симулякр; символ; структура; бинаризм; массмедиа

Ссылка при цитировании: Мурейко Л.В. Симуляция «символического» в концепции массмедиа Ж. Бодрийяра // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 66–78. DOI: 10.18721/JHSS.9307

SIMULATION OF “SYMBOLIC” IN BAUDRILLARD’S CONCEPT OF MASS MEDIA

L.V. Mureyko

Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russian Federation

We have revealed the basis of the difference between the phenomena denoted by Baudrillard as “simulation” and “simulacrum”, “symbolic” and “simulacrum”. It is emphasized that Baudrillard’s own critical position on the dominance of simulacra

in modern society means that the difference between the concepts of “symbolic” as such and “symbolic violence” has to be taken into account, which is generally poorly understood in literature. The emphasis is on the possibility of structural representation of the main properties of the fourth (fractal) order simulacrum allowing it to break away from reality (“complete interchangeability of opposites”). We have come to the following conclusions. The basis of simulation of the symbolic by the mass media code is the simulation of the symbol duality by the simulacrum, bringing the neutral-intermediate field between its two sides to the limit. The binary semiotic structure of the mass media code (and simulacrum) is used. The mass media code veils its unifying, formal sign system with such properties of the symbol as visibility, emotionality, etc.

Keywords: symbolic; simulation; simulacrum; symbol; structure; binarism; mass media

Citation: L.V. Mureyko, Simulation of “symbolic” in Baudrillard’s concept of mass media, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 66–78. DOI: 10.18721/JHSS.9307

Введение

Объектом нашего исследования является символическое как свойство языка и его симуляция в современном обществе, предметом исследования – особенность концептуального подхода Ж. Бодрийера к изучению указанного объекта с использованием таких понятий, как «симуляция» и «симулякр», «символическое как таковое» и «символическое насилие», «система» и «структура».

Сегодня усиливается тенденция срастания медиа и массмедиа, при том что назначение последних – не просто быть проводником информации, но и продуцировать особого рода среду обитания людей, укореняющуюся в повседневности: в ней сознание не выделяет себя. В этой связи возрастает актуальность проблемы онтологической достоверности транслируемых в медиа представлений о реальности. На пути к решению этой проблемы необходимо выявление механизма симуляции продуктивной символической сферы культуры средствами массмедиа.

О способности массмедиа к симуляции реальности как их характерной черте и символическом, порождающем раздвоение и затем вариативность интерпретации фиксированного значения, написано немало работ. Симуляция реальности вытекает из мимезиса (подражания), но в симулякре происходит сначала его отрицание (антимимезис), а затем переход к постмимезису – многогранному лабиринту бесконечных взаимных подражаний и отражений знаков друг в друге.

Проблема как спекулятивного, так и творческого мимезиса, порождающего симулятивную реальность, исследовалась еще древними греками. В наше время особенности симулятивных процессов в их связи с символическим кроме Ж. Бодрийера исследовали Р. Барт, Ж. Делёз, Ж. Лакан, Ж. Деррида, У. Эко, Ж.Ф. Лиотар, В. Беньямин, С. Жижек, российские ученые И.А. Мальковская, С.Г. Кара-Мурза, Ю.В. Пулю, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Гаспаров, Д.В. Иванов, В.Ф. Бурлачук, В.А. Емелин и др.

Однако, несмотря на значительное количество публикаций по данной теме, понимание средств распознавания искусственных конструкций восприятия реальности именно за счет симуляции символических средств культуры всё еще остается недостаточно проясненным.

Постановка проблемы и цели исследования

Медиасреда формирует особого рода пространство, включенное в ткань повседневности. Оно является одновременно пространством и особыми адаптивными средствами, и искусственных потребностей, и новых способов референций, и размывания границ неявных принуждений. В этих условиях исследователи феномена симуляции реальности (и особенно ее предельной формы – симулякра) сталкиваются с существенными трудностями, что связано как с многоликостью этого явления, так и с тем, что для них проблематично взглянуть на симуляцию реальности как бы со стороны (из-за интеграции всех коммуникативных средств в обществе при ведущей роли массмедиа и втягивания ис-

следователя в формируемую ими особую среду глобальной системы коммуникации). Немаловажную роль в усложнении возможности критического взгляда на образ реальности играет неявная симуляция продуктивных культурных символических средств, осуществляемая современными массмедиа. В этой связи целью исследования является уточнение структурного механизма симуляции символической сферы культуры, как он представлен в концепции Ж. Бодрийяра, и критический анализ этой концепции.

Методология

В исследовании используются методы сравнительного, структурно-функционального и семиотического анализа.

Результаты исследования

Симуляция реальности, понимаемая в самом общем виде, — это лишь видимость реальности, ее имитация, замещение, которое может быть как контролируемым, так и не контролируемым сознанием.

Отметим специфическое понимание Ж. Бодрийяром понятия «симуляция». Оно уже понятия симулякра. Ученый выделяет в социальной истории четыре порядка симулякров, при том что *симуляция как таковая относится только к двум последним из них*, которые являются характерной чертой общества с коммуникационной системой глобального характера, срастающейся с массмедиа. Согласно Бодрийяру, *симуляция в собственном смысле* характеризует отношение знаков друг к другу как означающих, но не отношение означаемого и означающего. *Символическое как таковое — антипод симулякрам и симуляции, но симулякры могут его имитировать, особенно симулякры двух последних порядков.*

Символическое как таковое в толковании Бодрийяра, как нейтральное поле смыслов, стремясь сбросить привычные штампованные формы мысли, обращаясь к неизвестной реальности, требует в первую очередь отказа от общезначимых форм детерминации познаваемого, а значит, истории.

Сегодня действительно происходит драма истории [1], переосмысливаются сам феномен революции и роль в ней интеллектуалов [2], но можно ли отбросить полностью формы исто-

рической мысли? Сам Бодрийяр, противореча себе, полагает необходимым, аналитически подходить к выявлению сути симулякра, обратиться к истории смены разных видов имитации реальности.

Три типа порядков симулякров, как они представлены в «Символическом обмене...» в качестве этапов разных способов имитации реальности в истории европейской цивилизации от эпохи Ренессанса до нынешнего времени, — это 1) «подделка», 2) «производство», 3) «симуляция». При этом «симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка — на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка — на основе структурного закона ценности» [3, с. 111]. Имитация вещей в их естестве симулякром-«подделкой» поддерживается традицией, кастовостью общества. Имитация вещей в их естестве симулякром-«производством» базируется на принципах эквивалентности, труда, класса, авангарда, идеологии.

Позднее (в работе «Фатальные стратегии») Бодрийяр к трем «порядкам» симулякров добавляет четвертый — фрактальный. Термин «фрактальность» был введен Б. Мандельбротом для обозначения в математике дробных объектов, которые состоят из предельно малых, хаотически связывающихся частиц. Симулякр фрактального порядка — предельная форма симулякров, всесторонне, пролонгированно, неконтролируемо захватывающая сознание.

Симулякр — это замещение знаком чего-то такого под названием «реальность», что как таковое не известно за пределами современной знаковой системы, потерявшей связь с естественным, природным миром [4, с. 17–21].

На наш взгляд, суть симулякра в его толковании Бодрийяром как искусства притворства реальностью лучше всего дана им в следующем определении со ссылкой на Екклезиаста: «Симулякр — это вовсе не то, что скрывает собой истину, но — это истина, скрывающая, что ее нет» [Цит. по: 5, с. 8]. Выходит, желание истины как соответствия реальности — неистребимо. Это основа доверия знаку. На этом и спекулирует симулякр, контролируя зазор между реальностью и сомнением в ней.

В анализе проблемы симуляции Бодрийяр обращается к идейно-методологическому ба-

зису постмодернизма, привлекая и критически переосмысливая идеи политической экономии К. Маркса, семиотики Ф. Соссюра и Ч. Пирса, а также социологии М. Мосса, исследовавшего особенности экономического и культурного обмена в архаических обществах.

Позиция Бодрийяра в понимании симулякра органично вписывается в парадигму его постмодернистского толкования в целом. Так, очевидно совпадение в своей основе взглядов на симулякр Ж. Бодрийяра и Ж. Делёза. Когда Делёз уточняет методологическую основу своего толкования симулякра, сравнивая свою позицию с позицией Платона, он пишет: «Платон предлагает различать два измерения: измерение ограниченных и обладающих мерой вещей, измерение фиксированных качеств и „чистое становление вне какой-либо меры“, пребывание „сразу в двух смыслах“» [6, с. 13]. И далее: «...различие здесь проходит не между моделью и копией, а между копиями и симулякрами. Чистое становление, беспредельность — вот материя симулякра, поскольку он избегает воздействия идеи и ставит под удар как модели, так и копии одновременно» [Там же. С. 14]. И еще важное дополнение к этому Делёза: «Сам Платон иногда сомневается, не находится ли такое чистое становление в совершенно особом отношении с языком. В этом, видимо, основной смысл *Кратила*» [Там же].

Как было отмечено выше, идейно-методологическая база философских взглядов Делёза и Бодрийяра во многом сходна. Различие их позиций в том, что Делёз видит больше позитивного, плодотворного в симулякрах современного общества, позволяющих, с его точки зрения, расшатать стереотипную одномерность классического взгляда на реальность, Бодрийяр же больше акцентирует внимание на риски широкого распространения симулякров, что, по его мнению, несет с собой еще большую степень программируемости мышления. И «чистое становление, беспредельность» Бодрийяр, скорее, относит к позитивно оцениваемому им символическому, которое ближе к реальности. Но символическое сегодня, полагает ученый, захвачено массмедиа и искусно имитируется симулякром четвертого порядка, что требует выработки средств сопротивления этому.

В современной философской энциклопедии симулякр определяется как «образ, лишен-

ный сходства с предметом, но создающий эффект подобия» [7, с. 542]. Важно подчеркнуть то, что обеспечивает семиотическую возможность этого. Сам Бодрийяр разъясняет такую возможность следующим образом: с глобализацией массмедиа наступила «стадия полной относительности, всеобщей подстановки, комбинаторики и симуляции. *Симуляции в том смысле, что теперь все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются на нечто реальное...*» (выделено мной. — Л. М.) [3, с. 52].

С чем это связано? Согласно Бодрийяру, капитализм сегодня («неокапитализм») не просто не собирается сдавать свои позиции, но и усиливает их за счет сделки с властью массмедиа и стремления к всеохватывающей форме существования всех сфер жизни (в том числе сфер потребностей, инстинкта самосохранения, информации, права, свободы, коммуникации, духовной культуры). Усиление властных позиций капитализма осуществляется именно посредством отрыва знака от его референта.

Как это возможно? За счет обесценивания на уровне знаковой системы обозначений всех противоположностей, за счет нейтрализации противоречия и симуляции оборачиваемости бинарного отношения «означаемое» — «означающее» при неявной доминанте означающего. Для современного капитала, полагает Бодрийяр, «иерархизировать инстанции — слишком опасная игра, грозящая обернуться против него. Нет, он умеет нивелировать, нейтрализовывать, разграфлять общей разметкой, делать неразличимым — и именно так он и действует согласно своему закону...» [Там же. С. 95–96].

В целом небывалое распространение симулякра, согласно Бодрийяру, обусловили следующие факторы: 1) союз современного капиталистического государства и массмедиа, втягивающих в себя все другие виды коммуникации; 2) разрыв в экономической сфере двух видов стоимости (меновая и потребительной); 3) замещение классов массами (усредненными индивидами с нейтральной субъектностью); 4) небывалые темпы развития техники и технологий, в том числе технологий влияния на сознание. Благодаря этому реальное замещено искусственным и управляемым со стороны массмедиа его представлением.

«Символическое», как его определяет Бодрийяр, «это... акт обмена и социальное отно-

шение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реального и воображаемого» [3, с. 243]. Форма символического — это форма обратимости, т. е. циклического обращения. Настоящий символический обмен, символическое как таковое, близкое к реальности, согласно Бодрийяру, было лишь в архаическом обществе, где отсутствовала иерархия, связанная с государственной властью.

Важно отметить толкование Бодрийяром особенности свойства *устойчивости* современной *социальной системы* — свойства, обеспечиваемого знаковым кодом.

Многие исследователи отмечают отказ постмодернизма от понятий «система» и «структура», но этот отказ относится к данным понятиям только в их классическом и структуралистском понимании.

Термин «структура» (*лат.* «строение», «устройство») в самом общем понимании означает взаимосвязь элементов в системе. Через наличие устойчивого характера этой связи структура обеспечивает внутреннюю организацию, целостность и тождественность системы самой себе. Понятия «структура» и «система», подразумевающая множество вариантов связей элементов в системе, акцентируют внимание на организующей их «форме».

В структурализме важнейшим является такое свойство системы, как бинарность, рассматриваемая как биполярность, которая носит характер диссимметрического диполя [8], т. е. «центрации» на одной из сторон противоположения с исключением свободной их перестановки. При противоположении «означаемого» и «означающего» первое из них имеет статус доминирующего и «считает» второе *своей* противоположностью. В работе «Структурализм как деятельность» Р. Барт детально представил технологию создания структур в структурализме. Основа этой технологии — в «регулярной повторяемости одних и тех же единиц и их комбинаций». «Комбинаторные правила» позволяют перестановки регулярных повторений, их различные комбинации и перекодировки в границах других знаковых систем, но только в рамках «формы», задаваемой «комбинаторными правилами» «регулярной повторяемости» с исключением какой-либо случайности.

Постструктурализм, постмодернизм в своем критическом отношении к классике и структурализму в понимании структуры и системы ориентируются на такое понимание бинарности и формообразующего фактора, при котором они были бы открыты развитию мира с учетом его постоянного изменения, обновления, конкретности, значимости случая. Важный момент постструктуралистского понимания структуры состоит в акценте на *промежуточном поле между бинарными оппозициями*, на возможности логического установления и (во избежание излишней формальности) конкретного учета множества переходных позиций и многочисленных различий, из-за чего возникает хаос в их отношениях. И это подрывает возможность строго организованных оппозиций и позволяет выйти за рамки программируемого мышления.

У. Эко в этой связи пишет: «Онтологическая ошибка не в том, чтобы всегда держать под рукой гипотезу тождества, стоящую на службе фронтального исследования различий. Онтологическая ошибка — считать запас возможного нетождества исчерпанным» [9, с. 322].

В условиях отвлечения внимания от субстанции, обеспечивающей тождество означаемого и означающего, акцентируется микродетализация промежуточного поля между означаемым и означающим, что смещает внимание с предметно-содержательной стороны сообщения на невидимый механизм ее конструкции. В рамках этой невидимой, «беспредметной», «теневой» стороны сообщения возможна оборачиваемость противоположностей, множественная интерпретация означаемого. Внимание к ней должно высвечивать «подлинное», служить базисной «подпиткой» для рефлексивного сомнения в возможно искусственных, стереотипных конструкциях образов реальности. Отсюда широкий интерес к символическим средствам архаического типа мышления, еще не знающего потребительского отношения к вещам, а также к не «запятнанному» технологиями манипуляции сознанию. По мнению Бодрийяра, современная система массмедиа искусно имитирует архаический тип мышления, в котором совмещались близость к реальности и безусловное доверие символическому ее представлению.

Будучи под влиянием работ М. Мосса о социальной основе специфического структурирования мышления в первобытном обществе,

Бодрийяр уточняет особенность связи современной социальной системы и соответствующего ей способа структурного, упорядоченного представления о мире, поддерживаемого коммуникативно-знаковым кодом. В первобытном обществе социально-экономический обмен базировался на непрестанной обратимости дара, его возмещении. В этих условиях было невозможно наделить ценностью лишь один из элементов структуры или вывести из обмена один сегмент. Все социальные отношения строились на безостановочном возвратном движении обмена.

В современном обществе власть, в том числе над порядком мышления, состоит в одностороннем одаривании, без возможности ответа. Однако социальная система симулирует как очевидность прямо противоположное, а именно, что власть базируется на оборачиваемом, равноценном обмене и, значит, на возможности возмещения властью того, что ею взято неправомочно. Посредством этого «перевертыша» социальной системой и осуществляется символическое господство. Так, на «дары» массмедиа, на их одностороннее распространение передач нечем отдариться, нечем в достаточной мере ответить, возразить, всегда будет символическая задолженность ответа в связи с монополией массмедиа на код.

Социологи В. Бурлачук и В. Танчер, анализируя понятие символического в творчестве Бодрийяра, отмечают, что он констатирует отсутствие в современной культуре символического [10]. Они отмечают также парадоксальность подобного утверждения в связи с тем, что нет культуры без символа и, значит, символического. И далее ученые приходят к выводу, что специфическая позиция Бодрийяра состоит в том, что он отказывает современности в символическом потому, что оно якобы присуще лишь архаическому обществу с оборачиваемым равноценным обменом.

На наш взгляд, здесь упускается из виду, что Бодрийяр различает понятия «символическое насилие» и «символическое как такое». Первое из них присуще современности, а второе не только архаическому мышлению, но и мышлению, оппозиционно настроенному по отношению к современному капитализму, породившему общество потребления. Нельзя сказать, что, согласно Бодрийяру, символиче-

ское не востребовано современным обществом, оно симулируется, исподволь реализуясь в виде символического насилия.

Систему символического насилия обеспечивает коммуникативный код. Еще в работе «Система вещей» Бодрийяр обращал внимание на изменение представлений людей о предметном мире в обществе, где на первый план выходит потребление вещей при их перепроизводстве: «вещи как бы болеют раком» с характерным свойством «безудержного размножения в них внеструктурных элементов» [11, с. 104].

Заместителем субстанции, «природного» и «рыночного» законов, которыми ранее регулировались ценности и их знаки, становится медийный код символического обмена (исходный смысл понятия кода берется Бодрийяром из структурной лингвистики и семиотики). Механизм действия кода, согласно Бодрийяру, аналогичен механизму ДНК. В его основе – самовоспроизводство с опорой на равноценность противоположностей («двух спиралей»). Задача кода – упорядочить «безумное становление» знаков в их оторванности от предметного мира, свести их к квазипредметным, квазипространственным формам. Генеративная формула кода – это «формула бинарности, кибернетической двоичности – не чистое повторение, а мельчайшее отклонение, минимальный зазор между двумя элементами, т. е. „мельчайшая общая парадигма”, способная поддерживать фикцию смысла» [3, с. 151].

Код действует так, что *симуляция обратимого обмена* (обращения дара) в сочетании с односторонним одариванием проявляет себя *через цензуру двойственно читаемого знака*. Благодаря этому можно приручить, сделать своим всё то, что считалось Другим, выходящим за рамки системности. И если вы не довольны системой, пытаетесь ее критически осмыслить, предложить другое, то система в ответ предложит вам *своего Другого*.

Напомним, что символическое как такое Бодрийяр толкует следующим образом: «Неукоснительная обратимость отношений... такова суть символической обязанности» [Там же. С. 48]. Действие, которое могло бы превзойти структурное насилие кода, по Бодрийяру, руководствуется следующим принципом: «Да будет каждый элемент... истреблен, да упразднится ценность в этом самоперевороте

элемента» [3, с. 48]. Иначе говоря, прорвать код может лишь «бес-порядок символического».

В обществе потребления, обществе масс *код подчиняет себе символическое, используя его бинарность, двойственность (в том числе своего и Иного) для самодостаточности системы, для замыкания ее на самой себе, чтобы она была полной собственницей всех представлений о реальности.* В системе массмедиа, в симулякре отдаленность, различие двух полюсов бинарности вопроса и ответа, в действительности, полагает Бодрийяр, симулятивна. Она представляет собой «эффект реальности внутри самого знака», или «тактическую галлюцинацию». Означаемое теряет свою собственную специфику, которую признавал структурализм, и становится другой стороной означающего. Вопрос о копиях реальности, о ее отражении не возникает.

Итак, Бодрийяр устанавливает факт имитации кодом массмедиа бинарной схемы представления реальности, характерной для архаического мышления. Общее в симулятивных действиях кода массмедиа и символической системы архаического мышления, наиболее близкого к самой реальности, — установление структурного различия бинарных сторон через отнесенность не к общему для них субстанциальному основанию, а к их переменной функциональной взаимосвязи.

Некоторые из отечественных философов, не представляя себе бинера без таких свойств, как противоречие, иерархия и структура, анализируя толкование постмодернизмом бинарности мышления в выражении им реальности и ссылаясь на отказ Бодрийяра от структуры, высказывают недоумение: если в неупорядоченной целостности все бинеры нейтрализованы, то как возможно познание этой целостности? [См.: 12].

Ответ со стороны постмодернизма предполагает следующее. Бинер выражает двойственность целого, которую классическое мышление выражает через противоречие, иерархию как условие структуры. Постмодернизм рассматривает такой вариант бинарности, когда ее стороны различны, но ни одна из них не обладает приоритетом, что обеспечивает им обратимость, но не слияние. При этом отказ от структуры в ее классическом варианте, со ссылкой на ее излишнюю нормативную жесткость, формальное представление единичного,

конкретного, нового, часто происходит в пользу не заданной, поисковой целостности, открытой непредсказуемому, полноте деталей, связи неиерархического характера.

Ж. Делёз в своей работе «Логика смысла» (в разделе «Восьмая серия: структура» [6, с. 68–73]), критически осмысливая структуралистское толкование К. Леви-Строссом структуры (через разведение двух линий: означающего и означаемого), отмечает, что в понимании структуры наиболее важным моментом является *зазор* между означаемым и означающим. Этот *зазор, промежуток* между означаемым и означающим, представляемый парадоксальным элементом, сам по себе лишен смысла, но способен принять на себя любой смысл. Его Делёз называет «символической значимостью нуля» [Там же. С. 70], или знаком, указывающим на необходимость символического неизвестного содержания в дополнение к уже известному, ограниченному содержанию предполагаемого означаемого.

Для Бодрийяра структура так же, как и для Делёза, может существовать через равноценность всё же различающихся противоположностей, представляющих «систему», открытую новому, непредсказуемому, или искомую целостность, но не структуру в классическом смысле. Стремясь *нейтрализовать посредством симулякра любой зазор между означаемым и означающим*, но неявно используя смысл структуры в структуралистском понимании, код массмедиа тем самым использует симуляцию символического как такового.

Выйти за рамки той реальности, которая программируется современной социальной системой общества потребления, полагает Бодрийяр, можно, только освободив символическое как таковое из-под власти кода массмедиа. Средство осуществления этой цели должно быть радикальным — это такой свободный язык поэзии, который соответствует принципу обратимости оппозиций. При этом необходима «смертельная спекуляция, единственным методом которой является радикализация всех гипотез. Даже „код” и „символическое” — всё еще термины-симуляторы; хорошо бы суметь постепенно вывести их за пределы речи» [3, с. 48]. И только так можно выйти за рамки той реальности, которая программируется социальной системой, замыкающей на себя такие противоположно-

сти, как объект-субъект, причина-следствие, обусловленность-свобода. Однако одной радикализацией, стихией сопротивления привычному, согласно Бодрийяру, делу не поможешь. Он имеет в виду необходимость особой структуры (формы, структурирующей мышление и практику), иной по сравнению с классическим и структуралистским ее пониманием, по сути похожей на ту, которую предлагает Делёз.

Фиксируя жесткую замкнутость на себя социальной системы за счет программируемых симулякров, подчиняющихся знаковому коду, Бодрийяр отмечает особую роль в радикальном прорыве к реальности поэтического языка сюрреалистического толка, отвлекающегося от предметного содержания и экспериментирующего с формой. При этом, по Бодрийяру, должна остаться привязанность к форме в том смысле, в каком она дает творческую раскованность мышлению без риска потерять время и энергию на поток слов о бесконечном многообразии предметного мира.

Обращение Бодрийяра к языку поэзии в противовес всепроникающему дискурсу медиа можно понять. Поэзия действительно обладает особыми дискурсивными средствами обнаружения реальности. М. Мамардашвили говорит о том, что поэт – это феноменолог, выполняющий акт редукции по отношению к привычному знанию символическими средствами [13, с. 44].

П. Рикер отмечает, что поэтический язык создает «слияние» смысла и чувственного восприятия в отличие от непоэтического, где смысл ради конвенциональной общности значений знака предельно «очищен» от сенсорной составляющей. При этом союз смысла и ощущений создает видение объектов, как бы замкнутых на себе. В результате «язык, вместо того, чтобы быть лишь чем-то на пути к действительности, сам оказывается материалом, как мрамор для скульптора» [14, с. 46].

Понимание символического производно от понимания символа. Что же такое символ? В самом общем понимании символа обычно имеется в виду особый способ раздвоенности его функционирования (между двумя формами предметности, между означаемым и означающим, между фрагментарностью и целостностью восприятия мира, между сакральным и повседневным, между своим и иным).

Выходящая на первый план предметно-образная форма обозначаемого, выражая незримые, неопределенно сложные природные и социокультурные связи, становится другой предметностью, не поддающейся обычным дискурсивным средствам выражения. В отличие от обычного знака символ производит эмоциональное напряжение, обусловленное невыразимостью прямым образом того, что в нем представлено и что в пределе осваивается через ритуал или вариативно *деятельное* включение в символическую культурную среду.

В толковании А.Ф. Лосевым, символ вещи – это особый знак, «не мертвый», но «рождающий собою многочисленные единичные структуры, обозначенные им в общем виде как отвлеченно-данная идейная образность» [15, с. 68]. Эта «идейная образность» обеспечивает встречу, единство материального и идеального, сущего и инобытия, познанного и непознанного, личного и безличного. Важно, что обращенность символа к космическим масштабам мира, к возвышенному, сакральному, легко вписывается в повседневность. С позиции повседневной практической жизни, обычного опыта, символ удивительным, чудесным образом разрешает в себе ранее неразрешимое противоречие. Он обеспечивает связность идеально разумного смысла и абсурдной стихии, меонической текучести истории [16, с. 489].

Имея это в виду, можно согласиться с К.А. Свасьяном в том, что «символа собственно нет ни в одной из его форм; бытие его – в метаморфеме, т. е. в переходе форм» [17, с. 116–117].

Символ может быть использован и для расширения свободы, и властно: в качестве принуждения [18]. Будучи включенным в ритуал, символ одновременно содействует и структуре, и антиструктуре соответствующего действия [19, 20].

В концепции символа М. Кастельса, как он ее излагает в монографии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (в пятом разделе «Культура реальной виртуальности...») [21], назначение символа – наделять практику неким значением, которое отклоняется от его прямого семантического определения, он считает основанием для виртуальной реальности во все времена. С этой позиции во всех обществах реальность и ее символическое отображение не существуют раздельно. Симво-

лическая природа языка заставляет его кодировать двусмысленность, но так, что разнообразие возможных интерпретаций значения остается приоткрытым.

Особенность культурного пространства современного общества, полагает Кастельс, определяется тем, что в нем система коммуникаций, представляющая собой цифровую, сетевую интеграцию всего множества видов коммуникации, охватывает и втягивает в себя все проявления культуры. Символическая система языка со свойством символа к отклонению от строго фиксированного значения факта начинает превалировать над системой строгих значений настолько, что виртуальная реальность замещается строительством реальной виртуальности. Это значит, что «виртуальное» (как существующее на практике, но не в строго данной форме или наименовании) уже *не отделяется от опыта* коммуникации.

Бодрийяр явно или неявно учитывает все вышеперечисленные свойства символа. При этом он выводит на уровень предела такое его свойство, как установление примирительного, нейтрально-промежуточного поля между оппозициями. На таком понимании символа базируется понятие символического в концепции Бодрийяра.

Подчеркнем: в текстах Бодрийяра не выделено, но подразумевается важное основание самой возможности массмедиа симулировать символическое посредством своего кода с присутствием ему симулякра. Таким основанием является *имитация симулякром двойственности символа с доведением до предела нейтрально-промежуточного поля между двумя сторонами символа. Это происходит с использованием бинарной семиотической структуры кода массмедиа (и симулякра)* через двойственность замыкающегося на себе знака. Одна сторона двойственности знака – симулируемое означаемое, а другая – означающее. При этом означаемое теряет свою собственную специфику, которую еще признавал структурализм, и становится другой стороной означающего.

Само по себе символическое (без программирования посредством кода массмедиа), согласно Бодрийяру, предполагает производное символа, семиотические стороны которого («означаемое» и «означающее») свободно оборачиваются, что он показывает на примере

коммуникативного обмена знаками-символами в архаическом обществе.

Итак, характерные свойства символа – это двойственность (свойство наделять практику неким значением, отклоняющимся от его прямого семантического определения); предметно-образный способ выражений в действительности незримого; посредническая роль между конкретным и неопределенной целостностью мира, в который включено это конкретное; нейтрализация контрарного характера взаимоотношения противоположностей; особый способ (форма) структурирования связи между конкретным и целостностью мира, реализуемый через функцию трансформации.

Добавим к этому и то важное онтологическое свойство символа, на которое указывал М.К. Мамардашвили: символ «всегда есть то, что мы не до конца понимаем, но что мы есть как понимающие, как существующие» [13, с. 59].

Заметим, что символ поддерживает близость субъективного переживания и реальности, если человек готов расстаться с самим собой, существующим в привычном измерении мира. И именно практика уникального переживания, поддерживаемая формой поэтического языка, может создать иное измерение пространства и времени бытия человека, которое может оказаться подготовкой способности к неформальному пониманию мира и другого человека.

Конечно, нельзя не учитывать, что сегодня массмедиа в невиданных ранее масштабах фабрикуют видимость индивидуальности, на что справедливо указывает Бодрийяр. И всё же зададимся вопросом: необходимы ли в современных условиях социальной жизни, как считает Бодрийяр, абсолютная радикализация средств языка и полный отрыв от общезначимых форм знания?

Очистительная в отношении симулякров функция художественной формы языка, на которую надеется Бодрийяр, в конечном счете базируется на формах мышления, складывающихся в фундаментальных усложняющихся связях социальных отношений, не исключая стихии, непредсказуемости. Вряд ли они могут быть полностью схвачены знаковой системой массмедиа. При чрезмерной искусственности вещи будут давать «отпор» (Б. Латур).

Когда И. Пригожин, как и Ж. Бодрийяр, пересматривает классическое понимание струк-

туры, он вводит для сложных неустойчивых систем понятие «диссипативные структуры» [22, с. 54], связывая диссипацию с генерацией радикально новых, ранее не известных структур, способствующих отысканию новых типов динамики и порядка. При этом возможность конструктивной роли диссипативных процессов он усматривает во всех типах сложных систем и непременно при взаимодействии системы с реальностью внешней среды. Тем самым любая с необходимостью изменяющаяся упорядоченная система, в том числе и социально-коммуникативная, не исключает стихии, встречи с непредсказуемым, уникальным.

На возможность избежать сетей коммуникативного кода массмедиа, не выходя из современной системы коммуникации, указывает М. Кастельс. Он убежден: не существует «некодированного» реального опыта, через который мы воспринимаем реальность. Новой коммуникационной системе, базирующейся на символической природе языка, кроме интеграции всех сообщений программирующего характера и господства ряда персон и сообществ в распределении потоков информации, также свойственны, считает он, мультимодальность и неустойчивость. В борьбе за представление реальности победит тот, кто это понимает, кто настроен на широкое мобильное взаимодействие, освоил язык и механизмы сетевой коммуникативной системы. Только на этой основе, согласно Кастельсу, возможно создание новых кодов для контроля уже сложившихся и тем самым создание *новой двойственной* системы господства и свободы производимой в обществе информации.

Согласимся с Кастельсом, но не полностью. Бодрийяр прав, когда в новом сетевом типе коммуникации он всё же придает немаловажную ценность непосредственно личным, не сетевым контактам, которые Кастельс относит к разряду маргинальных и малозначимых.

Предупреждение Ж. Бодрийяра об опасности захвата системой массмедиа бытийных основ сознания, подкрепленное обстоятельным анализом социально-семиотического механизма симуляции реальности, нельзя игнорировать. Важно в этой связи обратить внимание на исследования по трансформации социальных эмоций, самоидентификации индивидуальности в условиях расширяющегося поля ки-

беркультуры [23–26], исследования изменения нейроструктур при формировании новых стереотипов [27–29].

Следует также учитывать продуктивные наработки символического интеракционизма в исследовании коммуникативного аспекта в идентификации индивидуального, деятельно включенного в символическую среду общества, как и связи неконтролируемых пластов языка и прагматических установок [30–32]. Отметим и актуальность разработок моделей антиязыка [33], архаизированного языка [34], нового языка искусства [35] как моделей дискурсов, альтернативных дискурсу массмедиа.

Вместе с тем стоит поставить под вопрос возможность полностью принять концепцию средств противостояния дискурсу массмедиа в виде поэтического языка, базирующегося на радикально свободной оборачиваемости сторон бинарности. Здесь следует обратиться к идеям М. Бахтина, всегда акцентирующего проблему поступка, проблему *выбора* одной из двух и более возможностей. В излишней задержке на оборачивании противоположностей, в том числе субъекта и объекта, как справедливо отмечает М. Мамардашвили, есть опасность того, что будем мы бродить по разным местам «безъязыкие, с перепутанной памятью, с переписанной историей, не зная порой, что действительно происходило вокруг нас и в самих нас, не чувствуя права на знание свободы и ответственности за то, как ею пользоваться» [13, с. 120].

Заключение

1. Согласно Бодрийяру, основанием симуляции символического в современном обществе является *имитация симулякром двойственности символа. Симулякром доводится до предела нейтрально-промежуточное поле между двумя сторонами символа. Это происходит с использованием бинарной семиотической структуры кода массмедиа (и симулякра) через двойственность замыкающегося на себе знака.*

2. На пути методологического решения вопроса о контроле определенным образом структурированного («правильного», «адекватного») мышления в современной сложной, глобальной системе коммуникации важно обратить внимание как минимум на три следующих средства.

1) Разработка специфики ситуативных порядков повседневной жизни в этнометодо-

логии [36], конкретизирующей идеи символического интеракционизма, — порядков, находящихся в промежуточной среде между системой, структурой и структуриацией. (*Система* поддерживает относительно *стабильные совокупности* действий. *Структура* формирует *правила* трансформации структурных элементов действия. *Структуриация* производит *изменение правил* — структур — взаимодействия индивидов [37].)

2) Дальнейшая разработка «органической логики евразийства» 20–30-х гг. XX в., продолженной Л.Н. Гумилевым. Органическая логика «евразийцев», опирающаяся на специфику и

ритм биогеоценозов в природе, влияющих на особенность этносов, жизнь отдельного человека, несет в себе продуктивные средства коррекции механистического стиля мышления, ограниченно понимающего реальность.

3) В исследовании базисных объяснительных схем, на которые опирается создание инструментов дискурсивной диверсии [38], важно расширение возможностей дискурса социально-гуманитарных наук в понимании уникального, стихийного за счет выявления и использования продуктивных зерен дискурса поэтики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Самылов О.В.** История как драма: к вопросу о формировании принципа историзма // Манускрипт. 2012. № 3–2. С. 159–163.
2. **Фортунатов В.В., Самылов О.В.** Интеллигенция и революция в России // Перспективы будущего в образовательном процессе: сб. тез. национальной науч.-техн. конф. СПб.: Изд-во ПГУПС, 2016. С. 128–130.
3. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет : КДУ, 2006. 389 с.
4. **Бодрийяр Ж.** Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
5. **Зенкин С.** Жан Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет : КДУ, 2006. С. 5–40.
6. **Делёз Ж.** Логика смысла. М.: Академия, 1995. 298 с.
7. **Огурцов А.П.** Симулякр // Новая филос. энцикл. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 542–544.
8. **Голубева Н.А.** Диссимметрия «игры в бисер»: краткое введение в метатеорию постмодернизма: моногр. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. 188 с.
9. **Есо U.** La struttura assente. Milano, 1968.
10. **Бурлачук В., Танчер В.** Символ и симулякр. Концепция символа в социологии постмодерна // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 1. С. 15–29.
11. **Бодрийяр Ж.** Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 224 с.
12. **Егоров А.Г.** Познание и бинер // Казанская наука. 2011. № 7. С. 27–30.
13. **Мамардашвили М.** Как я понимаю философию. М.: Прогресс : Культура, 1992. 416 с.
14. **Рикер П.** Живая метафора // Семиотика. Т. 1. Благовещенск, 1998. С. 16–46.
15. **Лосев А.Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995.
16. **Лосев А.Ф.** Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 962 с.
17. **Свасьян К.А.** Проблема символа в современной философии. Благовещенск, 2000.
18. **Smith P.** Narrating the Guillotine: Punishment Technology as Myth and Symbol // Theory, Culture and Society. 2003. Vol. 20. Pp. 27–51.
19. **Turner V.** The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago: Aldine, 1969.
20. **Turner V.** Metaphors of AntiStructure in Religious Culture // Dramas, Fields and Metaphors. Symbolic Action in Human Society. Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 1975. Pp. 272–299.
21. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Изд-во Высш. шк. экономики, 2000. 600 с.
22. **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой [пер. с англ.]. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
23. **Rogers K.B., Schroder T., Scheve C., von.** Dissecting the sociality of emotion: A multi-level approach // Emotion Rev. 2014. No. 6 (2). Pp. 124–133.
24. **Rogers K.B., Robinson D.T.** Measuring affect and emotions // Stets J.E., Turner J.H. (eds.). Handbook of the Sociology of Emotions. Vol. II. N. Y.: Springer, 2014. Pp. 283–303.
25. **Robinson L.** The cyberself: The selfing project goes online, symbolic interaction in the digital age // New Media and Society. 2007. No. 9 (1). Pp. 93–110.
26. **Gottschalk S.** The presentation of avatars in second life: Self and interaction in social virtual spaces // Symbolic Interaction. 2010. No. 33 (4). Pp. 501–525.
27. **Nelson T.D.** The neurobiology of stereotyping and prejudice // Franks D.D., Turner J.H. (eds.). Handbook of Neurosociology. N. Y.: Springer, 2013. Pp. 349–358.

28. **Niemeyer R.E.** What are the neurological foundations of identities and identity-related processes? // Franks D.D., Turner J.H. (eds.). Handbook of Neurosociology. N. Y.: Springer, 2013. Pp. 149–165.

29. **Hopcroft R.L.** Neurosociology and theory of mind (TOM) // Franks D.D., Turner J.H. (eds.). Handbook of Neurosociology. N. Y.: Springer, 2013. Pp. 231–241.

30. **Salvini A.** Symbolic interactionism and social network analysis: An uncertain encounter // Symbolic Interaction. 2010. No. 33 (3). Pp. 364–388.

31. **Manning P.K.** Semiotics, pragmatism, and narratives // Reynolds L.T., Herman-Kinney N.J. (eds.). Handbook of Symbolic Interactionism. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2003. Pp. 1021–1039.

32. **Altheide D.L.** The control of narrative of the internet // Symbolic Interaction. 2004. No. 27 (2). Pp. 223–245.

33. **Нилогов А.** Философия антиязыка. СПб.: Алетейя, 2013. 216 с.

34. **Гиренок Ф.И.** Эстетика катастрофы // Философия хозяйства. 2013. № 6. С. 125–129.

35. **Что такое искусство? (Круглый стол)** // Филос. журн. 2016. Т. 9, № 4. С. 18–47.

36. **Гарфинкель Г.** Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов // Социол. обозр. 2003. Т. 3, № 1. С. 3–5.

37. **Гидденс Э.** Устроение общества. Очерк теории структуриации. М.: Академ. проект, 2003. 528 с.

38. **Шипунова О.Д.** Инструменты дискурсивной диверсии // Петербургская весна культуры: матер. XIV Междунар. форума (Санкт-Петербург, 19–20 мая 2016 г.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 82–85.

Мурейко Лариса Валериановна

E-mail: lamureiko@gmail.com

Статья поступила в редакцию 01.08.2018 г.

REFERENCES

[1] **O.V. Samylov**, [History as drama: on the formation of the principle of historicism], Manuscript, 3 (2) (2012) 159–163.

[2] **V.V. Fortunatov, O.V. Samylov**, [Intelligentsia and revolution in Russia], in: Perspektivy budushchego v obrazovatel'nom protsesse [Prospects of the future in the educational process. Proc. of the Nation Forum], PGUPS Publ., St. Petersburg, 2016, pp. 128–130.

[3] **J. Baudrillard**, Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death], Dobrosvet, KDU, Moscow, 2006.

[4] **J. Baudrillard**, Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and simulation], Tul'skiy poligrafist, Tula, 2013.

[5] **S. Zenkin**, Zhan Bodriyyar: vremya simulyakrov [Jean Baudrillard: time of simulacra], in: J. Baudrillard, Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death], Dobrosvet, KDU, Moscow, 2006, pp. 5–40.

[6] **G. Deleuze**, Logika smysla [The Logic of sense], Akademiya, Moscow, 1995.

[7] **A.P. Ogurtsov**, Simulyakr [Simulacrum], in: [New encyclopedia of philosophy], in 4 vol., of vol. 3, Mysl', Moscow, 2010, pp. 542–544.

[8] **N.A. Golubeva**, Dissimetriya «igry v biser»: kratkoye vvedeniye v metateoriyu postmodernizma [Dissymmetry “the glass bead game”: a brief introduction to meta-theory of postmodernism. Monogr.], Moscow, 2009.

[9] **U. Eco**, La struttura assente, Milano, 1968.

[10] **V. Burlachuk, V. Tancher**, [The symbol and the simulacrum. The concept of symbol in postmodern sociology], Sociology: theory, methods, marketing, 1 (2004) 15–29.

[11] **J. Baudrillard**, Sistema veshchey [System of things], Rudomino, Moscow, 2001.

[12] **A.G. Yegorov**, [Cognition and biner], Kazan science, 7 (2011) 27–30.

[13] **M. Mamardashvili**, Kak ya ponimayu filosofiyu [As I understand philosophy], Progress, Kul'tura, Moscow, 1992.

[14] **P. Riker**, Zhivaya metafora [Live metaphor], in: [Semiotics], of vol. 1, Blagoveshchensk, 1998, pp. 16–46.

[15] **A.F. Losev**, Problema simvola i realisticheskoye iskusstvo [The problem of symbol and realistic art], Iskusstvo, Moscow, 1995.

[16] **A.F. Losev**, Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii [Essays on ancient symbolism and mythology], Mysl', Moscow, 1993.

[17] **K.A. Svas'yan**, Problema simvola v sovremennoy filosofii [The problem of symbolism in modern philosophy], Blagoveshchensk, 2000.

[18] **P. Smith**, Narrating the Guillotine: Punishment Technology as Myth and Symbol, Theory, Culture and Society, 20 (2003) 27–51.

[19] **V. Turner**, The Ritual Process: Structure and Anti-Structure, Aldine, Chicago, 1969.

- [20] **V. Turner**, Metaphors of AntiStructure in Religious Culture, in: Dramas, Fields and Metaphors. Symbolic Action in Human Society, Cornell Univ. Press, Ithaca, London, 1975, pp. 272–299.
- [21] **M. Kastels**, Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information age: economy, society and culture], Moscow, 2000.
- [22] **I. Prigozhin, I. Stengers**, Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy [Order out of chaos: man's New dialogue with nature], Progress, Moscow, 1986.
- [23] **K.B. Rogers, T. Schroder, C. von Scheve**, Dissecting the sociality of emotion: A multi-level approach, Emotion Rev., 6 (2) (2014) 124–133.
- [24] **K.B. Rogers, D.T. Robinson**, Measuring affect and emotions, in: J.E. Stets, J.H. Turner (eds.), Handbook of the Sociology of motions, of vol. II, Springer, New York, 2014, pp. 283–303.
- [25] **L. Robinson**, The cyberself: The selfing project goes online, symbolic interaction in the digital age, New Media and Society, 9 (1) (2007) 93–110.
- [26] **S. Gottschalk**, The presentation of avatars in second life: Self and interaction in social virtual spaces, Symbolic Interaction, 33 (4) (2010) 501–525.
- [27] **T.D. Nelson**, The neurobiology of stereotyping and prejudice, in: D.D. Franks, J.H. Turner (eds.), Handbook of Neurosociology, Springer, New York, 2013, pp. 349–358.
- [28] **R.E. Niemeyer**, What are the neurological foundations of identities and identity-related processes? in: D.D. Franks, J.H. Turner (eds.), Handbook of Neurosociology, Springer, New York, 2013, pp. 149–165.
- [29] **R.L. Hopcroft**, Neurosociology and theory of mind (TOM), in: D.D. Franks, J.H. Turner (eds.), Handbook of Neurosociology, Springer, New York, 2013, pp. 231–241.
- [30] **A. Salvini**, Symbolic interactionism and social network analysis: An uncertain encounter, Symbolic Interaction, 33 (3) (2010) 364–388.
- [31] **P.K. Manning**, Semiotics, pragmatism, and narratives, in: L.T. Reynolds, N.J. Herman-Kinney (eds.), Handbook of Symbolic Interactionism, AltaMira Press, Walnut Creek, CA, 2003, pp. 1021–1039.
- [32] **D.L. Altheide**, The control of narrative of the internet, Symbolic Interaction, 27 (2) (2004) 223–245.
- [33] **A. Nilogov**, Filosofiya antiyazyka [Anti-language philosophy], Aleteyya, St. Petersburg, 2013.
- [34] **F.I. Girenok**, [The aesthetics of disaster], Philosophy of economy, 6 (2013) 125–129.
- [35] **[What is art? Round table]**, Philosophical Journal, 9 (4) (2016) 18–47.
- [36] **G. Garfinkel**, [The everyday knowledge of social structures: the documentary method of interpretation in professional and non-professional search for the facts], Sociological rev., 3 (1) (2003) 3–5.
- [37] **E. Giddens**, Ustroyeniye obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii [Organization of society. Essay on the theory of structuration], Akademicheskii proyekt, Moscow, 2003.
- [38] **O.D. Shipunova**, Instrumenty diskursivnoy diversii [Tools of discursive sabotage], in: Peterburgskaya vesna kul'tury [“Petersburg spring culture”. Proc. of the Intern. Forum], St. Petersburg, 2016, pp. 82–85.

Mureyko Larisa V.

E-mail: lamureiko@gmail.com

Received 01.08.2018.